

Т. И. ПРОКУШЕВА (Сыктывкар)

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИНФИНИТИВА В КОМИ ЯЗЫКЕ

Инфинитив в коми языке, как и в удмуртском и коми-пермяцком, образуется от глагольных основ с помощью суффикса (-ы)-ны: коми *мысь-кав-ны* 'мыть, вымыть', *тöдны* 'знать', *косьт-ыны* 'высушить'; удм. *зоры-ны* 'идти дождю', *учкы-ны* 'смотреть', *лыкты-ны* 'идти в эту сторону, приходиться'.

В венгерском и мансийском языках для образования инфинитива использовался один и тот же финно-угорский словообразовательный суффикс *-n: венг. *ül-ni* 'сидеть', *tud-ni* 'знать', *él-ni* 'жить', *veszte-ni* 'терять, проигрывать', *zenge-ni* 'звучать'; манс. *aj-uŋkwe* 'пить', *pöl-uŋkwe* 'мерзнуть', *ji-ŋkwe* 'идти', *te-ŋkwe* 'есть' и т. д.

Х. Рятсеп утверждает, что коми инфинитив, как и удмуртский с суффиксом *-ni*, мансийский с *-uŋkwe*, *-aŋkwe*, *-ŋkwe*, *-ŋke*, венгерский с *-ni*, в основной (неопределенной) форме имеет отношение к признаку глагольной формы *-n, восходящему к суффиксу отглагольного имени *-n, плюс суффикс латива *-k, т. е. к праперм. **-nsk*, венг. *-ni < *-nu + ku*, манс. *-na*, *-nə*, *-ni*, *-nä < *-ns + ?k* (Рятсеп 1954 : 12). Работа Х. Рятсепа, посвященная финно-угорским инфинитивным формам, базируется на большом теоретическом и фактическом материале, выводы его сводятся к следующему:

1. Основной чертой финно-угорских языков является наличие инфинитива, образованного на основе типа: признак инфинитивной глагольной формы + окончание латива или иллатива (Рятсеп 1954 : 16).
2. В финно-угорских языках инфинитивные глагольные формы в основном образуются с помощью девяти признаков, в том числе *-n*, *-ŋ*.
3. Признаки инфинитивных глагольных форм восходят к суффиксам отглагольных имен, среди которых имеются соответствия всем девяти признакам этих форм. Отглагольные имена послужили исходом возникновения инфинитивных глагольных форм.
4. Образованные с помощью суффиксов отглагольных имен инфинитивные глагольные формы имели следующие свойства: производились от глаголов, их можно было склонять, временные и залоговые признаки у них отсутствовали, функция определялась местом в предложении (Рятсеп 1954 : 18—19).
5. Распространенная форма — инфинитив с признаком *-n* в восточных финно-угорских языках, во время ее формирования должна была существовать связь между пермяками и уграми (по крайней мере, предшественниками манси и венгров) (Рятсеп 1954 : 21).

Весьма ценны положения Х. Рятсепа о природе финно-угорского инфинитива. Главный вывод автора — двойственность инфинитива, об-

условленная сущностью его: инфинитив — это и имя, и название действия. С одной стороны, ему, как именной форме, должны быть присущи категории имени, с другой, как форме глагольной сферы, не могут быть чужды грамматические признаки этой сферы.

Х. Рятсеп прямо подчеркивает мысль о возможности и действительной наличности падежного значения в сфере инфинитива: «Поскольку инфинитивные глагольные формы в финно-угорских языках восходят... к прежним отглагольным именам, то вполне понятно, что они унаследовали ряд черт, не свойственных глагольным формам» (Рятсеп 1954 : 27).

Его исследование подводит к мысли о том, что падежные значения в сфере инфинитива могут быть представлены довольно отчетливо. Коми определенный инфинитив также имеет некую сумму падежных показателей, однако значения этих падежей уже выветрились. Иными словами, в коми языке налицо типичный финно-угорский инфинитив со своими специфическими чертами, свидетельствующими о архаичности и о самобытности его формирования.

Т. Лехтисало также приводит соответствия по семантике между пермскими отглагольными именами на *-n*, прибалтийско-финскими отглагольными существительными на *-n*, мансийским отглагольным существительным и прошедшим временем глагола, венгерскими глагольными формами с суффиксом *-n* и инфинитивом с показателем *-ni* (Lehtisalo 1936 : 123—129). Далее он дает несколько примеров на *n*-овые отглагольные имена в коми и удмуртском языках. Мы дополним этот ряд следующими коми примерами: *ботан* 'сеть для ботания рыбы', *ворсан* 'гармошка', *гогын* 'скобель', *кокан* 'мотыга', *куран* 'грабли', *лэчтан* 'точильный брусок', *мясян* сс. 'умывальник', *ныран* 'мялка', *печкан* 'прялка', *потан* 'люлька', *пукан* 'скамья для сидения', *пывсян* 'баня', *сёян* 'еда', *чипсан* 'дудка', *чышъян* 'платок', *шыран* 'ножницы', *юан* 'питье' и др.

Суффикс *-n* перечисленных отглагольных существительных идентичен *-n* в инфинитиве. В основном это старый лексический пласт. Если сравнить данные существительные с инфинитивом, то ясно их общее происхождение: у инфинитива *пывсьыны* 'мыться, париться в бане' и отглагольного существительного *пывсян* 'баня' использован тождественный морфологический инвентарь — корень слова и прауральский именной суффикс отглагольного образования **-n* (Основы 1974 : 346). В процессе развития один суффикс приобрел больше именных признаков, у него сохранилось лишь общее значение названия действия, другой перешел в разряд инфинитивных глагольных форм, хотя и оставил за собой ряд именных свойств.

Пермский инфинитив оформился **n*-овым словообразовательным суффиксом и окончанием латива **-k*: коми **munj-nj-k* > **munj-nj* > *mun-nj*. Конечный *-k* в пермских языках отпал еще в общепермскую эпоху (Основы 1976 : 187).

В письменных памятниках коми языка формы с показателем **-k* не зафиксированы, гипотетический лативный суффикс **-k* реконструируется на основании сохранения гласного в конце слова; если бы за *-j* раньше не следовал согласный, по закономерностям коми исторической фонетики он бы отпал. Суффикс латива **-k* имеет финно-угорское происхождение, следы его отчетливо выявляются во всех ветвях финно-угорских языков (Основы 1974 : 255), в том числе в продуктивном иллативном коми суффиксе (**kiek* > коми *киö* 'в руку'; в данном случае гласный *-ö* несет семантическую нагрузку отпавшего **-k*) (СКЯ 1955 : 148).

В древнепермской речи в непервых слогах слова существовало чередование *ы* и *э* (условно). Оно касалось и иллатива, откуда удм. илл. *-ы* и коми илл. *-ö*: коми *карö* 'в город', *татчö* 'сюда', *кытчö* 'куда' (Бубрих 1948 : 64); удм. *кытчы* 'куда'. В древнепермском языке был единый суффикс иллатива, и, по-видимому, такой же показатель был у инфинитива. В процессе развития они разошлись в звучании: суффиксом иллатива существительных стал восприниматься *-ö*, а гласным инфинитивного суффикса — *-(н)ы*, *-(ын)ы*.

Инфинитивный суффикс в разных диалектах пермских языков имеет различный фонетический состав. В литературном коми-зырянском, удмуртском и коми-пермяцком языках инфинитив оформляется суффиксами *-ны*, *-(ы)ны*. В завятских, приискских, нижнеижских и глазовском говорах удмуртского языка и в коми-язвинском диалекте вместо **й* под влиянием тюркских языков появился гласный среднезаднего ряда среднего подъема *ө*: удм. *кытын*, диал. *кетөн* 'где' и т. п. (Основы 1976 : 134). Этот фонетический закон распространился и на инфинитивный показатель. Бесермянский инфинитив также оформляется показателем *-нө*: *көžө-нө* 'сеять', *вөнет-нө* 'забыть', *šetө-нө* 'заквасить', *иіө-нө* 'лягать', *йулө-нө* 'лизать', *суө-нө* 'сказать, говорить' и т. д. (Тепляшина 1970 : 239).

Разные финно-угорские языки, в том числе и пермские, сохранили различные свидетельства именного происхождения инфинитива, родства современного инфинитива и имен действия.

В настоящее время коми инфинитив является глагольной категорией, однако в фонетико-морфологическом и синтаксическом строе его в значительной степени сохранились следы именного происхождения.

1. Как существительное в именительном падеже служит для обозначения предмета, так инфинитив служит в качестве глагольного номинатива.

2. Коми инфинитив образован с помощью прафинно-угорского признака отглагольного имени **-n*, который послужил и для образования таких существительных в коми языке, как *пывсян* 'баня', *печкан* 'прялка', *куран* 'грабли' и т. д. Значительное количество подобных существительных на *-n* можно найти и в удмуртском и коми-пермяцком языках.

3. Коми инфинитив может агглютинировать лично-притяжательные и лично-указательные суффиксы, материально совпадающие с суффиксами, функционирующими в сфере имен и местоимений: *мунны-ым* 'мне идти', ср. *ач-ым* 'я сам', *мунны-ыд* 'тебе идти', ср. *керка-ыд* 'твой дом', *ач-ыд* 'ты сам', *мунны-ыс* 'ему идти', ср. *керка-ыс* 'его дом', *ач-ыс* 'он сам' и т. д. По происхождению они являются определенно-притяжательными формами инфинитива в номинативе.

В коми-пермяцком языке определенная форма образуется от неопределенной путем прибавления окончания *-тö* — остатка винительного падежа притяжательно-указательного склонения существительных: *Гижнытö колö сöстöма* 'Писать-то надо чисто'; *Мый налсь повнытö* 'Что их бояться-то' (КПЯ 1962 : 278).

В коми языке сохранился инфинитив, совпадающий с винительным падежом определенного склонения с суффиксами *-тö*, *-сö*: *висьтавны-тö* 'сказать-то', *гижны-сö* 'писать-то'. Наряду с *-тö*, *-сö* употребляется и суффикс определенного склонения винительного падежа *-öс*, означающий более близкий местный план: *Пола муннысöс* 'Я боюсь идти'; *Узьнысöс ог зры* 'Спать я не могу'; *Узьнысöс мед шоныдджык* 'Чтоб спать мне было теплее' (Сорвачева 1972 : 118).

В вымском говоре коми-зырянского языка лично-притяжательные формы инфинитива совпадают с формами местного и вступительного

падежей притяжательного склонения существительных: *мунны-ам* 'мне идти' — *керка-ам* 'в моем доме, в мой дом', *мунны-ад* 'тебе идти' — *керка-ад* 'в твоём доме, в твой дом', *мунны-ас* 'ему идти' — *керка-ас* 'в его доме, в его дом', *мунны-аным* 'нам идти' — *керка-аным* 'в нашем доме, в наш дом', *мунны-аныд* 'вам идти' — *керка-аныд* 'в вашем доме, в ваш дом', *мунны-аныс* 'им идти' — *керка-аныс* 'в их доме, в их дом'. Это не случайное совпадение, а отголосок того времени, когда доинфинитивная форма отглагольного имени изменялась по падежам: в застывшей форме латив-локатив и аккузатив отглагольного имени определено-притяжательного склонения дошли до нас как определено-притяжательные инфинитивные формы. Больше и разнообразнее внешнее падежное оформление инфинитива сохранилось в определено-притяжательных формах инфинитива. Неопределенный инфинитив, оформившийся из отглагольного имени неопределенного склонения, дошел до нас в одной лишь форме *мунны* < **муннык*, происшедшей из неопределенного отглагольного имени в лативе.

4. Любопытна способность инфинитива агглютинировать с суффиксами, восходящими к сравнительным и сопоставительным послелогам *кодъ*, *моз*. В этом случае инфинитивная форма приобретает значение нерешительности в осуществлении действия и часто переводима с помощью русской конструкции 'вроде бы': *кыйсьыныкодъ вӧлі кӧсийӧ ветлыны* 'вроде бы он собирался пойти на охоту (охотиться)'; *Веськыда кӧ шуны, ме куті полышыныкодъ* (с.с., разг.) 'Откровенно говоря, я начал немного бояться'. Показатель *кодъ* в приведенных формах также пришел из сферы имен и местоимений (ср. *бать кодъ* 'вроде отца', *гӧгрӧкодъ* 'похоже, круглый', *ме кодъ* 'вроде меня'). *И тӧд вылас кутӧмӧн, мый лӧнь тыын, шубӧны, чӧртыс унджык, сійӧ весиг мӧдіс повныкодъ сыысь: дзык нин ӧтнаныс да йӧзсянь ылынӧсь талун лоисны найӧ* 'И помня, что, как говорят в народе, в тихом озере больше чертей, она стала даже немного побаиваться его (Ильи): совсем уж одни и вдаль от людей оказались они сегодня' (Юхнин 1939 : 25); *Талун вӧрӧ кайлі тшак видӧзӧдлынымоз* (разг.) 'Сегодня в лес ходил(а) узнать, выходят ли грибы (букв. вроде посмотреть грибы)'.

5. Инфинитив может употребляться с суффиксом *-джык*, означающим меру, степень, количество сравниваемого качества, свойства в предмете, например, *унджык* 'больше' (от *уна* 'много'), *этшаджык* 'меньше' (от *этша* 'мало'), *мичаджык* 'красивей' (от *мича* 'красивый'), *коланаджык* 'более нужный' (от *колана* 'нужный'). Примеры: *Но Микулай эз сетчы ни юӧмӧ, ни гӧтыр водзас кратайтчӧмӧ. Ньӧжйӧникӧн вермыныджык кутіс, уджас кутчысьӧмыс отсаліс тиӧтши бурдыштнысӧ, и колхозӧ сэсья пондіс петавлыны* (Юшков 51) 'Но Николай не запил, не стал куражиться перед женой. Постепенно прибавлялись силы (букв. больше стал мочь), хватка к работе помогла выздоровлению, и в колхоз стал выходить'; *Меным аслым няныд ӧні тырмыныджык кутас — мастерыдлы быдса кило сетӧны* (Торопов 100); 'Сейчас мне самому своего хлеба будет более или менее хватать — мастеру целый килограмм дают'; *Онӧт ме, дерт, гӧгӧрвоньджык понді, но сӧр... Эх Федя!* (Торопов 161) 'Сейчас-то, конечно, я стал больше понимать, но — поздно... Эх Федя!'

6. В нижевычегодском говоре (Сорвачева 1969 : 247) встречаются инфинитивы с суффиксом множественного числа *-яс*: *пожъясьыныяс* (*пожъясьыны* 'полоскаться, заниматься полосканием'), *юныяс* (*юны* 'пить'), *босътныяс* (*босътны* 'взять, купить'). Форма множественного числа инфинитива выражает однородное множество действий и может быть переведена на русский с помощью оборота 'такие работы, как...'; такие дела, как...'; что касается таких работ, таких дел, как...':

гоститныяс 'что касается таких дел, как гостить' и т. д. Примеры: *Жаритныяс выязны кослунъя выйэн* (Кокв.) 'Если жарить, заправляют постным маслом'; *Сэся ся юкныястэ оз юкны* 'Потом делить не делят'; *Коть и мыйкё босьтныяс, век лоё юавны* 'Если даже купить что-либо, всегда приходится спрашивать'; *Гоститныяс-еджыд шабді дёрём* 'Идти в гости — белая холщевая рубаха'; *Ся кывтныястё кужо* 'Он умеет сплавлять (плот)'; *Мыськыныяс сэ чойясыс мыськэны* 'Если что мыть, моют сестры'; *Пожъясьныястэ лёсьыд* 'Полоскать хорошо'; *Пусьыныястэ пачтэ иг лонтылэ* 'Для приготовления пищи печку не топили'.

В. А. Сорвачева не находит в этом явлении никакой морфологической подосновы и считает его чисто фонетическим явлением, склонностью носителей диалекта оформлять слова в словосочетаниях по привычкам чисто фонетическим. На наш взгляд, нельзя согласиться с отсутствием здесь морфологической подосновы, поскольку как пишет сама В. А. Сорвачева, форма множественного числа инфинитива выражает однородное множество действий и может быть переведена на русский язык с помощью оборота 'такие дела, как'. На наш взгляд, правильнее мнение Е. С. Гуляева, который считал, что в нижевычегодском инфинитиве, оформляющемся именным суффиксом множественного числа *-яс*, сохраняется давний отголосок именного происхождения инфинитива. 7. Уникальным явлением только коми-зырянского разговорного языка и вроде бы совсем нехарактерным для многих родственных языков нужно считать способность инфинитива становиться ядром послеложной конструкции. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы говорят о том, что чаще встречается инфинитив с послелогоми *вылө* 'на, для' (назначение и цель действия), *кындзи* 'кроме, кроме как' (в конструкциях с основным и дополнительным действиями). Примеры: *Куканьсö начкисны сёйны вылө* скр. (Шошка) 'Теленка забили для потребления (на еду) (букв. для (того чтобы) есть)'; *Узьны вылө водліснин* (устное сообщение Е. С. Гуляева = Е. Г.); 'Ложился уже для того, чтобы спать (букв. для (того чтобы) спать)'; *Сёйны кындзи мыйкё мында картупель торйөдісны вузавны* скр. 'Кроме как на ежедневные нужды (потреблять), какую-то часть картошки отделили на продажу (продать)' (Е. Г.); *Узьны пыдди бурджык эськө тыв көртін* 'Вместо (того чтобы) спать, лучше бы невод вязал' (Е. Г.)

Сочетания инфинитива с послелогоми *босьтны вылө* 'для того, чтобы взять', *петны вылө* 'для выхода' отмечены А. С. Сидоровым в ижемском диалекте. Упоминает о таких конструкциях в вымских говорах В. А. Ляшев (Ляшев 1975 : 159). Послеложные инфинитивные конструкции нередко встречаются также в бытовой речи жителей сел Визинга, Куратово, Шошка, носителей среднесыольского и присыктывкарского диалектов. Эта интересная конструкция в прошлом, по-видимому, употреблялась шире (Сидоров 1952 : 80), в настоящее время она бытует только в речи старшего поколения.

Гибридная природа инфинитива определяет своеобразие синтаксических свойств членов предложения, выраженных инфинитивом. Мы рассматриваем инфинитив в качестве особой глагольной формы, которая называет действие или состояние как определенные процессы, безотносительно к наклонению, времени и числу. Этим он отличается от собственно глагольной формы (*verbum finitum*); с другой стороны, инфинитив содержит в себе возможность отношения к субъекту, чем отличается от близких по значению отглагольных существительных. Наличием определенной морфологической нейтральности (отсутствием форм словоизменения) при специфическом внутреннем значении (соотношение именных и глагольных признаков с решительным преоблада-

нием последних) и обуславливается многообразием и разнообразием функций инфинитива как в коми, так и в других языках.

Синтаксические функции инфинитива гораздо шире, чем финитных форм глагола. В коми языке он может выступать в роли подлежащего, сказуемого, дополнения, определения, обстоятельства цели, а также вводного слова. Такое разнообразие определяется его двойственной природой — наличием свойств имени и глагола.

Сложный фонетико-морфологический строй инфинитива обусловлен его происхождением и развитием. Именно-глагольной природой инфинитива объясняется и его синтаксическая многофункциональность в предложении.

Сокращения

КПЯ — Коми-пермяцкий язык. Введение, фонетика, лексика и морфология, Кудымкар 1962; **СКЯ** — Современный коми язык. Учебник для вузов, Сыктывкар 1955; **Торопов** — И. Торопов, Регыд дас квайт. Висьтъяс, Сыктывкар 1965; **Юхнин** — В. Юхнин, Алэй лента, Сыктывкар 1939; **Юшков** — Г. Юшков, Аски лоь мича. Висьтъяс, Сыктывкар 1972.

ЛИТЕРАТУРА

- Бубрих Д. В. 1948, Историческая фонетика удмуртского языка, Ижевск.
 Ляшев В. А. 1977, Фонетико-морфологические особенности вымского диалекта коми языка, Сыктывкар (Канд. дисс.).
 Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков, Москва 1974.
 Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки, Москва 1976.
 Рятсеп Х. К. 1954, Инфинитные глагольные формы в финно-угорских языках, Тарту (Автореф. канд. дисс.).
 Сидоров А. С. 1952, Некоторые особенности синтаксического строя северного (ижемского) диалекта коми языка. — Лингвистический сборник, вып. 2, Сыктывкар.
 Сорвачева В. А. 1972, Удорский диалект коми языка. Отчет о научно-исследовательской работе за период 1969—1972 гг., Сыктывкар (Архив Коми филиала АН СССР, ф. 5, оп. 2).
 Тепляшина Т. И. 1970, Язык бесермян, Москва.
 Lehtisalo, T. 1936, Über die primären uralischen Ableitungssuffixe, Helsinki (MSFOu 72).

T. I. PROKUSEVA (Syktyvkar)

THE ORIGIN OF THE INFINITIVE IN THE KOMI LANGUAGE

The Komi infinitive, as well as infinitives in other Finno-Ugric languages, is a verbal-nominal category. Built of the noun, for many centuries it developed and functioned as a verbal category. But the infinitive has retained some nominal characteristics that testify to its nominal origin: the suffix *-n-*, with which it was built, the plural suffix *-jas*, the word-building suffixes *-džik*, *-moz*, *-kod*, as well as its ability to be followed by the postpositions *viļe*, *kındži*, *piddi*. The use of the infinitive with different definite-possessive suffixes is a relic of the use of the definite infinitive in different cases: the nominative, lative-locative, accusative. Because of its verbal-nominal nature the infinitive is syntactically polyfunctional.